

Тагор Рабиндранат

Дом и мир: Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Рабиндранат Т.**
Дом и мир: Роман / Тагор Рабиндранат – М.: Книга по Требованию, 2022. –
196 с.

ISBN 978-5-519-76200-7

ISBN 978-5-519-76200-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гистра изящных искусств. Его старший брат помер в молодости, от пьянства, и не оставил детей. Мой муж совсем не пил и не был склонен к рассеянной жизни. Такая воздержанность была столь необычайной в его роде, что многим казалась даже непристойной! Чистота нравов, полагали они, пристала лишь тем, кому судьба не улыбнулась. Пятна возможны только на луне, а не на звездах.

Родители моего мужа померли уже давно, и хозяйкой в доме оставалась его старая бабка. Муж мой был для нее зеницей ока, сокровищем на ее груди. Поэтому ему не приходилось встречать особые препятствия, когда он нарушал тот или другой древний обычай. Когда он захотел ввести в дом мисс Джилби, чтобы она обучала меня и была моей компаньонкой, то выполнил и это намерение, несмотря на весь яд, который источали все длинные языки в нашем доме и за его стенами.

Муж тогда только сдал экзамен на степень бакалавра, и готовился к магистерским испытаниям, поэтому ему приходилось жить в Калькутте, чтобы посещать колледж. Он писал ко мне почти каждый день, всего несколько строк, самые простые слова, но его смелый, округлый почерк смотрел мне прямо в глаза,—о! с такою нежностью! Я складывала его письма в шкатулку из сандалового дерева и каждый день покрывала их цветами, которые собирала в саду.

К тому времени образ царевича из волшебных сказок побледнел, как луна в свете утра. Я возвела на трон в моем сердце царевича из мира моей действительности. Я была его царицей. Я занимала место рядом с ним. Но истинной радостью для меня было знать, что мое настоящее место — у его ног.

С тех пор меня воспитали, познакомили с современным духом и с современным стилем речи, так что слова, которые я пишу теперь, как будто краснеют от стыда за свою обыденность. Но, несмотря на знакомство со всем современным, для меня оставалось непреложною истиною, что я не хозяйка своей жизни, раз рождена женщиной, и также что элемент беззаветной преданности в женской любви — не цитата, взятая на прокат из какой-нибудь романтической поэмы, для благоговейного списыванья округлым почерком в тетрадку девочки-школьницы.

Но муж не давал мне никакой возможности выразить ему мое благоговение. В этом сказывалось величие его души. Только низкая натура может требовать от жены неограниченной преданности, как своего права; это унижительно для мужа и для жены.

Его любовь ко мне изливалась таким потоком обожания и внимания, что, можно сказать, затопляла берега моей души. Но в моем сердце жила потребность скорее давать, чем принимать; ведь любовь — бродяга: ее цветы расцветают в придорожном прахе пышнее, чем в хрустальных вазах среди гостиных.

Муж не в состоянии был совершенно переломить стародавние традиции, которые все же преобладали в нашем доме. Поэтому нам было трудно встречаться в любой час дня, когда захочется *). Я отлично знала время, когда он мог приходить ко мне, и потому наши свидания имели всю изысканность любовной подготовленности. Как будто сочинялась поэма, которая должна укладываться в мерный ритм.

Покончив с дневной работой и приняв послеполуденную ванну, я делала прическу, снова клала киноварный знак и надевала сари, умело собранную в складки; затем, освободив свое тело и душу от всех развлекающих забот по дому, я в этот заветный час, совершая заветный обряд, всецело отдавала себя ему, единственному. Время, что я проводила с ним каждый день, было кратко; но оно было бесконечно.

Муж постоянно повторял, что муж и жена равны любви, потому что имеют равное право друг на друга. Я никогда не спорила с ним насчет этого, но мое сердце говорит, что беззаветная преданность никогда не станет на путь настоящего равенства; она только возносит минуты свидания до высшего уровня. И радость этого равенства в высшем смысле слова пребывает неизменной; оно никогда не опускается до пошлого уровня обыденности.

Любимый мой, ты оставался достойным самого себя, не ожидая от меня преклонения. Но если бы ты принял его, то оказал бы мне настоящую услугу. Ты выражал свою любовь, наряжая мое тело, воспитывая мою душу, давая мне

*) Читается неприличным, чтобы муж во всякое время входил в женскую ванну, — для того отведены особые часы, посвященные столу и отдыху.

все, чего я желала, и даже чего не желала. Я видела, какая бездонная пучина любви отражалась в твоих глазах, когда ты смотрел на меня. Я знала тайный вздох муки, который подавлял ты, горя любовью ко мне. Ты любил мое тело, как какой-то райский цветок. Ты любил меня всю, как некий драгоценный дар providения.

Такое беспредельное обожание порождало во мне горделивую мысль, что только мои собственные достоинства привели тебя к моей двери. Но такое тщеславие только мешало порыву добровольной самоотдачи, который есть душа женской любви. Когда я восседаю на троне, как царица, и требую поклонения, тогда эта жажда поклонения, переходя в тщеславие, только возрастает постоянно и никогда не находит удовлетворения. Разве может быть для женщины настоящее счастье в простом ощущении своей власти над мужчиной? Для женщины единственное спасение в том, чтобы забыть про свою гордость в порыве беззаветного обожания.

Мне вспоминается сегодня, как, в дни нашего счастья, вырывались вокруг нас со всех сторон вспышки зависти. Это было вполне естественно, потому что разве по заслугам, а не по игре слепого случая, досталась мне удача? Но providение не станет длить вечно поток счастья, если только мы не обеспечим его за собой, полностью выплачивая свой долг чести, изо дня в день, долгие годы. Бог может ниспосылать нам дары, но мы должны собственным подвигом подняться до того, чтобы оказаться способными принять их и сохранить. Горе, если щедроты попадают в недостойные руки!

И бабка, и мать моего мужа славились красотой. Редкой красотой обладала и моя овдовевшая свояченица. После того как судьба и ее в свой черед ввергла в беспросветное горе, бабка дала обет, что не станет искать красавицы для последнего оставшегося у нее внука, когда придет ему время жениться. Только благоприятные знаки, которыми я была наделена от природы, открыли мне доступ в эту семью, иначе я не имела бы права войти в нее.

Госпожи этого пышного дома редко пользовались данью должного уважения. Так или иначе они приспособлялись к обычному в этой семье образу жизни и успевали держать голову над водой, находя опору в высоком звании рани

древнего дома, хотя их никогда не высохавшие слезы тонули в пене вин и в звоне запястий на ногах танцовщиц. Разве следовало ставить в заслугу мне то, что мой муж не прикасался к крепким напиткам и не растрачивал свою мужскую силу на рынках женского тела? Какие знала я чары, чтоб обуздывать дикий и непостоянный мужской нрав? Это была моя удача, не более. Ведь к моей свояченице судьба оказалась беспредельно жестокой. Ее праздник окончился, когда вечер едва начинался, и свет ее красоты втуне продолжал озарять пустые чертоги,—сверкать и гореть, без сопутствующей музыки!

Она постоянно подчеркивала свое презрение к новомодным вкусам моего мужа. Какая нелепость! Родовой корабль, нагруженный всеми сокровищами издревле накопленной славы, вести в плавание под флагом ослепления девочкой-женой! Часто падал на меня кнут презрения. „Вор, который украл любовь мужа!“ „Срам, прикрытый бесстыдством новомодного убранства!“ Пестрые платья нового покроя, в которые муж любил наряжать меня, будили в ней ревнивую ярость. „Разве ей не стыдно превращать себя в выставку модного магазина,—да еще при ее наружности!“

Мой муж знал про все это, но его мягкость не имела пределов. Он всегда умолял меня не сердиться на нее.

Помню, раз я сказала ему: „У женщин души такие ничтожные, такие уродливые!“—„Как ноги у китайок“,—ответил он.—„Ведь это же общество своим гнетом обузило и изуродовало их. Они—только пешки в руках судьбы, которая играет ими. Как могут они отвечать сами за себя?“

Свояченица всегда добивалась от моего мужа всего, чего бы ни пожелала. Он даже не останавливался над вопросом, справедливы ли, даже разумны ли ее требования. Но больше всего меня выводило из себя то, что она даже не чувствовала благодарности к нему за это. Я обещала мужу, что не буду перечить ей, но это заставляло меня еще больше раздражаться внутренне. Я стала думать, что и для доброты существуют границы, и если человек их переходит, то иногда впадает, как будто, в малодушие. Сказать ли всю правду? Я часто желала, чтобы у него хватало мужества быть немножко не таким добрым.

Моя свояченица, бара-рани*) была еще молода и не претендовала на святость. Скорее, в ее разговорах, смехе, во всей манере держать себя сказывалась некоторая смелость. Молодые девушки, которыми она себя окружала, были тоже до известной степени нескромны. Но никто ей в этом не мешал,—ведь таковы вообще были нравы в этом доме. Мне казалось, что ей кололо глаза мое счастье,—то, что у меня был безупречный муж. Но он больше думал об ее печальной судьбе, чем о недостатках ее характера.

II.

Муж горячо желал вывести меня из пурдаха**).

Раз как-то я спросила его: „Зачем мне этот чужой, внешний мир?“

— Может быть, ты нужна этому внешнему миру,— отвечал он.

— Если внешний мир обходился без меня до сих пор, то обойдется и дальше. Он не истомится до смерти, если меня в нем не будет.

— Пусть погибнет, мне что за дело! Это меня не касается. Я думаю о себе самом.

— Правда? Скажи же, что это ты думаешь о себе самом?

Муж молча улыбнулся.

Я знаю его характер, и стала настаивать: „Нет, нет, тебе не удастся спрятаться от меня таким образом! Я хочу договориться с тобой до конца“.

— Разве можно исчерпать что-нибудь до конца словами?

— Перестань говорить загадками. Скажи мне...

— Я желаю вот чего: во внешнем мире ты полнее станешь моей, и я полнее стану твоим. Мы еще в долгу друг перед другом.

— Значит в той любви, которой мы живем тут, дома, чего-то не хватает?

*) Бара — старшая; чота — младшая. Хотя вдова в знатной семье сохраняет право только на пожизненное пользование долей покойного мужа, но старшинство за нею остается, и титулы „младшая“ и „старшая“ продолжают служить для различения младшей и старшей ветви, даже тогда, когда власть переходит к младшей ветви.

**) Заключение в пелене и все обычаи, связанные с ним, обозначаются общим термином „пурдах“, что значит — ширмы.

— Здесь ты как бы окутана мною. Ты не знаешь ни того, что у тебя есть, ни того, чего тебе не хватает.

— Не говори таких вещей. Я не могу этого вынести.

— Я бы хотел, чтобы ты подошла к сердцу внешнего мира и узнала действительную жизнь. Вращаться только в тесном мирке домашних забот, прожить всю жизнь в домашних путах, за домашней черной работой,—не для этого ты создана! Наша любовь станет настоящей любовью только тогда, когда мы встретимся и признаем друг друга в настоящем мире.

— Если тут какой-то ущерб для нашего взаимного понимания, то мне нечего возразить. Но что касается до меня, то мне ничего не надо.

— Хорошо, пусть ущерб только для меня, но отчего бы тебе не помочь устранить его?

Такие разговоры повторялись часто. Раз как-то он сказал: „Человек жадный, любя свой рыбный садок, без жалости выпотрашивает рыбу, когда ему понадобится. Но человек, который любит саму рыбу, хочет любоваться ею в воде; если это невозможно, он ждет на берегу; и если даже вернется домой, не увидав ее, то у него есть утешение: он знает, что рыбе хорошо. Полный выигрыш—лучше всего; но если он невозможен, то следующий лучший выигрыш заключается в полном проигрыше“.

Мне совсем не нравилось, как муж говорил об этих вещах, но не в том заключалась причина, по которой я отказывалась покинуть зенану. Его бабка была еще в живых. Мой муж, вопреки ее вкусам, наполнил дом больше чем на сто двадцать процентов двадцатым веком, но она безропотно это сносила. Точно также снесла бы она и то, что сноха из дома раджи покинула затвор *). Она даже была уже подготовлена к такому событию. Но я не придавала этому делу такой важности, чтобы причинить ей новую боль. Я читала в книгах, что нас называют „птицами в клетках“. Не могу говорить за других, но у меня в клетке было так много дорогого, что целая вселенная не вместила бы моего богатства,—во всяком случае, тогда я так думала.

Бабка была очень стара и любила меня искренно.

*) Репутация снохи имеет первостепенное значение в знатном инду-ском доме

В основе ее привязанности лежало убеждение, что с помощью благосклонных светил, которые мне покровительствовали, я оказалась в силах привлечь к себе любовь мужа. Разве мужчины не склонны, по самой своей природе, бросаться в бездну, очертя голову? Никакой другой женщине, несмотря на всю красоту, не удавалось удержать мужа от безумного прыжка в огненную бездну, которая его поглощала и уничтожала. Она верила, что я являлась единственным средством, способным угасить пламя, смертельное для мужчин ее рода. Она готова была прикрыть меня своей грудью и трепетала, если у меня показывался хоть легкий намек на нездоровье.

Бабка не любила платьев и украшений, которые муж привозил для меня из европейских магазинов. Но она рассуждала так: „У всякого мужчины непременно будет тот или иной нелепый конек, на который он будет тратить деньги. Борьба с их странностями—бесплодно; и тому уже надо привыкаться, если они не разоряются до конца. Если бы мой Билл не увлекся костюмами для жены, то еще неизвестно, какого другого он стал бы расточать свои деньги!“ И когда мне приносили новое платье, она всегда посылала за моим мужем и подшучивала.

И вот случилось, что ее вкусы изменились. Современные веяния так сильно на нее подействовали, что вечера тянулись для нее бесконечно, если я не рассказывала ей повестей из английских книг.

Когда бабка скончалась, муж стал упрашивать меня переселиться с ним в Калькутту. Но я не могла решиться. Ведь это был наш дом, который бабка заботливо охраняла, среди всех своих испытаний и тревог. Не падет ли проклятие на мою голову, если я покину его и уеду в город? Эта мысль овладевала мной всякий раз, как ее пустое кресло глядело на меня с упреком. Благородная женщина вошла в этот дом, имея от роду восемь лет, а скончалась на семьдесят девятом году. Жизнь ее протекла невесело. Стрелу за стрелой вонзала судьба ей в грудь,—только для того, чтобы раскрывать в ней все ярче и ярче нетленный дух. Ее слезами был освящен этот огромный дом. Что делать мне вдали от него, в калькуттской пыли?

Муж видел в этом прекрасный способ утешить свою вдову, предоставив ей управление всем домом, и в то же

время дать нашей жизни шире развернуться в Калькутте. Но в этом-то как раз и заключалась для меня трудность. Она портила мне жизнь, она едва выносила счастье моего мужа, и за все это ее же еще и награждать! А что будет, когда мы снова вернемся сюда? Получу ли я тогда обратно свое первое место?

— Зачем тебе это место?—говорил мне муж.—Разве нет на свете вещей гораздо драгоценнее?

Мужчины совершенно не понимают этого. У них гнездо вне дома; они плохо знают то, из чего складывается вся домашняя жизнь. В этих вопросах они должны подчиняться женскому руководству.—Вот какие были у меня мысли в то время.

Самое главное заключалось, как я понимала, в том, что всякий должен отстаивать свои права. Удалиться и оставить все в руках врага,—значило бы просто признать свое поражение.

Но почему муж не заставил меня ехать с ним в Калькутту? Я знаю. Он не пользовался своей властью именно потому, что она у него была.

III.

Если б перед кем стояла задача заполнить понемногу провал между днем и ночью, на это пришлось бы затратить целую вечность. Но встает солнце и разгоняет мрак,—одного мгновения достаточно, чтобы победить бесконечность.

В один прекрасный день в Бенгале наступила новая эпоха Свадеша^{*)}; но мы не могли дать себе отчета, как это случилось. Не было постепенного уклona, который соединял бы прошлое с настоящим. Поэтому мне представляется, что новая эра ворвалась, как потоп, опрокидывая плотины и унося прочь все наше благоразумие, все опасения. У нас не было даже времени размыслить или понять, что собственно случилось, и что будет дальше.

Мое зрение и моя душа, надежды и желания, — все воспламенилось страстным порывом к этому новому веку.

^{*)} Национальное движение, которое вначале было скорее экономическим, чем политическим, ставя главной целью поощрение туземной промышленности.

Хотя стены дома, служившие пределом моего мира, пребывали тогда еще ненарушимо, все же я смотрела поверх них в открытый простор, и с далекого горизонта доносился до меня какой-то призыв, — смысл его был несовсем ясен для меня, но он находил доступ прямо к моему сердцу.

Мой муж, с тех пор как был еще студентом колледжа, всячески стремился к тому, чтобы товары, нужные для нашего народа, производились у нас на родине. Наш округ богат финиковыми пальмами. Он изобрел прибор, чтобы извлекать их сок и переваривать его в сахар и патоку. Мне говорили, что этот прибор имел огромный успех, но только он извлекал больше денег, чем сока. Немного спустя, муж пришел к заключению, что наши попытки оживить родную промышленность не имеют успеха, потому что у нас нет своего банка. В то время он пробовал обучать меня политической экономии. Это само по себе не наделало бы большого вреда, но он вбил себе в голову, что надо и нашим соотечественникам внушить правильные представления о прибылях, а также проложить путь для банка; и вот он действительно основал небольшой банк. Высокий процент заставил крестьян стекаться толпами и с энтузиазмом вкладывать свои деньги, но в конце концов совершенно потопил банк.

Старые чиновники в наших владениях были смущены и перепуганы. Во вражеском лагере поднялось ликование. Из всей нашей семьи только бабка мужа оставалась невозмутимой. Она журила меня, говоря: „Зачем все вы так мучите его? Вас беспокоит судьба нашего государства? Уж сколько раз видела я это государство в руках судебных приставов! Разве мужчины похожи на женщин? Мужчины родятся мотами и умеют только разорять. Послушай, дитя, ты должна считать себя счастливой, что твой муж не разорился вконец!“

Счет благотворительных расходов мужа был предлинный. До последней крайности, до полного банкротства, поддерживал он всякого, кто изобретал новый ткацкий станок или машину для очистки риса. Но больше всего досаждало мне то, что его постоянно стриг Сандип-бабу, прикрываясь нуждами Свадешии. Когда ему надо было основать газету, или предпринять путешествие для пропаганды, или переменить воздух по совету врача, муж беспрекословно отсыпал ему нужную сумму. И это было сверх обычного содержания, которое Сандип-бабу регулярно получал также от него.

Страннее всего было то, что муж и Сандип-бабу не сходились во взглядах.

Как только буря Свадеш и взволновала мне кровь, я сказала мужу: „Я сожгу все свои заграничные платья“.

— Зачем же их жечь?—говорил он. — Просто не носи их, пока не захочешь.

— Пока не захочешь! До самой смерти...

— Прекрасно, тогда не носи их до самой смерти. Но зачем же это торжественное сожжение!

— Ты был бы против моего решения?

— Вот что я хочу сказать: отчего не попытаться создать что-нибудь? Но не надо растрачивать даже десятую долю своей энергии на такие разрушительные порывы.

— Такие порывы дадут нам энергию для созидания.

— Это все равно, что утверждать, будто ты не можешь осветить дом, если не подожжешь его.

Тут подоспел другой пункт разногласия. Когда в нашем доме появилась мисс Джилби, пошла большая смута, но потом улеглась, когда все привыкли к англичанке. Теперь всё поднялось снова. Передо мной никогда не вставало вопроса, европейка ли мисс Джилби, или индианка, но теперь он встал. Я сказала мужу:

— Мы должны избавиться от мисс Джилби.

Он ничего не ответил.

Пролив потоки слез, я, к ночи, когда мы снова были вместе, пришла в относительное равновесие. „Не могу я,“ сказал муж,—смотреть на мисс Джилби через туман отвлеченности, только потому, что она—англичанка. Неужели после такой долгой близости ее имя остается для тебя непреодолимым препятствием? Подумай, ведь она любит тебя!“

Мне стало немного стыдно, и я ответила довольно резко: „Пусть остается. Я не так уж страстно желаю отослать ее“.

И мисс Джилби осталась.

Но раз как-то мне сказали, что один мальчик оскорбил ее по дороге в церковь. Этого мальчика мы содержали. Муж удалил его из дому. Ни одна живая душа не могла тогда простить мужу этот поступок,—даже я. На этот раз мисс Джилби уехала по доброй воле. Прощаясь, она проливали слезы, но мое сердце не смягчилось. Так очернить бедного мальчика, и еще такого славного мальчика, который в по-